

УДК 03.29

«ПОЛЬЗА ВСЕХ НАРОДОВ ОДИНАКОВА...»

Духин Я.К.,
кандидат исторических наук,
профессор кафедры
Всемирной истории
и общественных дисциплин,
КГПИ, г.Костанай, Казахстан

Аннотация

Беріліп отырған мақала оқырмандарға декабристердің «көшпенді» халықтың тағдырына қатынасын белгілеп, ұлттық мәселені түсінуге мүмкіндік береді. Осы мақсатта келесі құжаттар зерттелді: Н.М. Муравьеваның «Конституциясы», П.И. Пестельдің «Орыс Шындығы», Г.С.Батеньков пен М.М. Сперанскийдің «Сібір қырғыздары туралы Уставы». Мақалада декабристердің қазақ халқының жағдайына көзқарастарына ерекше мән берілген.

Аннотация

Предлагаемая статья дает читателю возможность познакомиться с попытками декабристов разобраться в национальном вопросе и определить свое отношение к судьбам «кочующих» народов. С этой целью к анализу привлечены такие документы, как «Конституция» Н.М.Муравьева,

«Русская Правда» П.И. Пестеля, «Устав о сибирских киргизах» Г.С.Батенькова–М.М.Сперанского. Особое внимание в статье уделяется взгляду декабристов на положение казахского народа.

Abstract

The following article shows the information about attempts of Decembrists in solving National dilemma and determination of their own attitude to «nomad» people. With this aim for analysis following documents had been used, such as «Конституция», N.M.Muravyev, «Русская Правда», P.I.Pestel, «Устав о сибирских киргизах» G.S.Batenkov – M.M.Speransky. Especially, this article pays attention on Decembrists' view for situation of the Kazakh people.

Түйінді сөздер: «Конституция», «Устав», отырықшылық, жер шаруашылығы, көшпенділер.

Ключевые слова: «Конституция», «Устав», оседлость, земледелие, кочевники.

Keywords: «Конституция», «Устав», sedentary, agriculture, nomad.

Выступлению декабристов 190 лет...

1. Введение.

О декабристах много сказано. Сказано хорошего и не очень. В последнем варианте – нынешний официоз. В советское время историография их любила и прикрывала ленинским щитом от всякой напасти. Во многом справедливо. А сегодня? Революция стала бранным явлением – кровь и беспорядки.

Декабристы обвиняются в том, что желали свергнуть страну в то и в другое. Где истина? Здесь поставим точку. Это не наша тема. Но попутно заметим, – а что, если бы декабристам удалось затеянное? И не факт, что большой кровью. Не избавило бы это от страшных событий будущего? От 3-х немилосердных к стране революций. Стоит подумать...

А теперь по существу.

2. Обсуждение.

Российская империя 1-й пол. XIX в. непрерывно прирастала все новыми окраинными приобретениями. Становилась архимногонациональной. Факт общеизвестен. Уйдем в сторону от дискуссий о природе и характере политики царизма на окраинах. И не потому, что тема не заслуживает внимания. Просто на время уйдем в сторону.

Вернем внимание к декабристам. Впервые в России именно они заявили о наличии национальных проблем. И не просто заявили. Поставили на разрешение. Поставили и пытались дать свое понимание и истолкование столь важной для России проблемы. Сделано было порой без учета реалий времени, но вполне искренне и без каких-либо националистических предубеждений. Обратим внимание на следующую позицию: «польза всех народов одинакова, а закоренелая ненависть», питаемая к ним царизмом, «есть принадлежность времен варварства» [1; т. II, С.247]. Мысль вполне дельная, и ее декабрист Д.И.Завалишин подкрепил выводом о том, что его товарищи не могли «не соблюдать справедливость относительно всех народов и по возможности содействовать благу», и всестороннему их развитию [1; т. III, С.209].

Надо элементарно понять: в силу реальностей исторических декабристы не могли прийти к научнообоснованному пониманию национального вопроса. Не будем ставить этого им в вину. Не будем и забывать.

Вот главный декабристский документ – Конституция Н.М. Муравьева. В научный оборот она впервые вводится Н.М. Дружининым в 1933 году [2].

В ней «кочующие племена», наряду с другими народами России, объединялись под общим названием «русские». Казалось бы – декларация националистической идеи. Ничуть нет. Декабрист вовсе не стремится поставить вне закона народы огромной страны. Он категоричен – «Все русские равны перед законом» [1; т. I, С.30].

Конечно, не все так просто. Примем во внимание одну важную оговорку: племена «кочующие» «не имеют прав гражданских». Дискриминация? Не будем столь прямолинейными и излишне придирчивы к Н.Муравьеву – он поступал в полном соответствии с европейской традицией – цензом оседлости. Учитывая эту ситуацию, он и фиксирует в Конституции следующий вывод: в выборах в Палату Представителей «принимают участие те, кто имеет оседлость, постоянное жилище» [1; т.I, С.309].

Для нас важно понять факт, что племена, уравниваясь законом с русскими, Конституцией освобождаются от «власти самодержавной», получают возможность в перспективе, став оседлыми, выходить на пути к гражданским правам.

Согласимся – путь сложный и долгий. Но когда подобные процессы были легкими и безболезненными? Не будем сбрасывать со счета и то, что реалии будущего, возможно, создадут иные подходы в решении проблем национального характера, более рациональные и радикальные.

А каков П.И.Пестель и его «Русская Правда»? То, что он был великолепным политиком, вряд ли достойно отрицания. Возможно, ошибался, был наивен, иногда проявлял жестокость и жесткость в постановке жизненно важных вопросов, но, несомненно, честен и смел в их разрешении.

Сторонник централизованного государства, автор «Русской Правды» признавал целесообразным, чтобы «племена подвластные Большому Государству, не могущие по слабости своей пользоваться самостоятельной независимостью», обеспечивались покровительством сильного [4; С.121]. В этом есть свой резон. П.Пестель категорически запрещает титульному народу злоупотреблять своим положением во вред другим народам государства и обязывает «помнить, что Могущество ему дано от проведения не для утеснения Соседей, но для действий праведных и согласных с чистой справедливостью» [4; С.122].

Внимательное изучение «Русской Правды» убеждает, что декабрист все же признавал право отделения от Российского государства других национальностей. Но...Но вопрос в другом: за многими народами он просто не видел целесообразности реализации этого права. Читаем: «Право народности должно брать верх для тех народов, которые могут самостоятельной политической независимостью пользоваться» [4; С.122].

Нет возражений. А все потому, что в реалиях того времени малые народы «по слабости своей никогда не могут составлять особых государств», и их судьба – «отречься от права отдельной народности» [4; С.121-122]. И это для декабриста не предмет для дискуссий. Ему ясно – для этих народов угроза со стороны более сильного государства явно очевидна, поскольку они, безусловно, послужат «всегдашним поприщем военным действиям, разорениям и гибельным бедствиям всякого рода».

И еще. Логика П.Пестеля: за независимость нужно бороться, к ней необходимо стремиться, она завоевывается. Кроме Польши, пожалуй, ни один народ империи в тех исторических обстоятельствах не обозначен был подобным стремлением.

В литературе о декабристах П.Пестель получил массу упреков за эту вот установку: «...в отношении к различным народам и племенам, Россию населяющим, беспрестанно должно непрременную цель иметь в виду, чтобы составить из них только один народ и все различные оттенки в одну общую массу слить так, чтобы обитатели целого пространства российского государства все были русские» [4;С.149]. Цитата длинная, но мысль понятная, она где-то сроднимению Н.Муравьева. И, надо полагать, не только его.

С позиций сегодняшнего дня данную установку можно определить как шовинизм и великодержавность. И настоящая оценка активно господствует в историографии. Обвинения серьезные, поскольку, якобы, попиралось естественное право народов говорить своим языком, жить своими обычаями, иметь свою культуру.

А что если применить принцип историзма? И понять, что П.Пестель считал унитарное государство (один из принципов европейской философии) главным национальным достоянием, национальной гордостью, которое во что бы то ни стало надо сохранить. Тот факт, что

народы Российской империи относились к совершенно различным типам цивилизаций, считал декабрист, – создавало напряженность и угрозу стабильности. Ему представлялось важным стабильность эту закрепить даже ценой русификации, даже ценой задержки развития национальной культуры, ценой стирания самобытности. Отсюда и жесткая позиция: кочующим народам сравняться с русским населением, «в общий состав государственного устройства на общих же правилах поступить» [4; С.142-143].

Поймем ситуацию: историческая данность не предполагала иных возможностей для приобщения народов к ценностям обновленного свободного общества. Нельзя отнимать у декабриста права иметь рассудок. Он вряд ли полагал реально возможным поглощение русским народом других в тех вариациях, которые ему приписываются. Он явно рассчитывал на будущее его коррекциями. «Русская Правда» – это лишь постановочный вариант, и П.Пестель, по свидетельству И.Д.Якушкина, «был слишком умен, чтобы видеть в Русской Правде Конституцию России» [1; т.1, С.175].

И дадим право декабристу думать так, как ему подсказывали обстоятельства времени и не навязывать понимание проблем национального развития в современной интерпретации, выработанной, кстати, ценой долгого блуждания и столкновения различных позиций, от которых и, сейчас не свободна наука.

А вот к Казахстану и казахам у П.Пестеля особый подход. О них он проявил завидную осведомленность. Ему известны политические события, связанные с вхождением Среднего жуза в Россию, он восхищен прекрасными «киргизскими степями», которые, «изобилуя всеми произрастаниями, могли бы обратиться в отличную страну, которая бы обогащала Россию многими произведениями Природы и многими способами для самой выгоднейшей и деятельной торговли» [4; С.124].

Создание «Русской Правды» совпало по времени с административной деятельностью М.М.Сперанского, сменившего на посту Сибирского генерал-губернатора Ивана Борисовича Пестеля, отца декабриста. Отодвинем в сторону характеристику методов управления Иваном Борисовичем, – они вовсе не были рациональны. Интересно другое. Декабристу вполне предоставлялась возможность через него получать информацию для написания тех разделов документа, где речь шла о положении «кочующих инородцев».

Был вполне естественным интерес П.Пестеля и к сибирской деятельности М.Сперанского, как к одному из способнейших администраторов либерального толка. Видимо, вовсе не случайно в документах декабриста обнаруживается много солидарного с реформаторской позицией нового губернатора. Подробнее об этом будет сказано несколько ниже. А пока – внимание к следующему.

Декабриста возмущает состояние «унижения», в котором пребывают народы кочующие. А потому указ будущему Республиканскому правительству вменяет в обязанность «по одному уже долгу христианскому заботиться об улучшении их положения; тем еще более, когда к сей причине присоединяется еще и то обстоятельство, что они в нашем государстве, в нашем отечестве обитают...» [4; С.142]. И вывод – «даровать им все частные гражданские права наравне с русскими» и «да сделаются они нашими братьями, да перестанут коснеть в жалостном своем положении». Напомним, с какой долей презрения относились тогда к инородцам (Ч.Валиханов свидетельствовал, что инородцев в Сибири только что собаками не травят). Да что там времена декабристов, когда гораздо позднее, 60 лет спустя, один из миссионеров среди казахов Н.И.Ильинский писал обер-прокурору Святейшего Синода К.П.Победоносцеву: «Для нас вот что подходящее было бы: чтобы в русском разговоре путался и краснел, писал бы по-русски с порядочным количеством ошибок, трусил бы не только губернатора, но и всякого столоначальника» [5; С.57]. Комментариев не будет. Все предельно ясно.

Констатация фактов отсталости казахского народа – не самоцель. Они – мобилизационный фактор для принятия крайне необходимых мер, одна из которых видится П.Пестелю в приобщении кочевников к оседлости и земледельческому образу жизни. «Цель

сия, – писал он, – была бы большею частью достигнута, если бы успеть можно было их на постоянные жилища поселить и к земледелию обратить».

Его подход весьма осторожен в том, что касается переустройства общественно-трудового быта и кочевого уклада казахов. Декабрист предупреждал от поспешных шагов в переводе на оседлость, предусматривая ряд переходных мер. Его взгляд резко контрастирует с позицией представителей царской администрации в Казахстане. Так, Оренбургский Военный губернатор П.П.Сухтелен заявлял, что «киргизы должны быть удержаны в кочевом состоянии, т.е. что киргизы могут быть полезны России только в виде кочевого народа...» [6; С.57]. Аналогичной позиции придерживался и другой Оренбургский губернатор – В.А.Перовский.

Учитывая тот факт, что казахи, благодаря исключительно своему кочевому положению могут снабжать русскую армию отменной иррегулярной конницей, автор «Русской Правды» предлагает образовать на территории «от Бухтарминской крепости прямо к Аральскому морю» так называемый Аральский удел. Его «надобно к России присоединить для твердого установления государственной безопасности» [4; С.124].

Можно обвинить П.Пестеля в стремлении к колониальной экспансии, а можно усмотреть и другое – предоставление казахам некоей автономии.

Принимая в расчет реалии, когда Казахстан еще не так прочно обосновался в составе империи, «Русская Правда» «по внимательному соображению местных обстоятельств» предоставляла Аральскому уделу «особенное правление и особенное начальство». Кстати, точно такие права получал и населенный казаками Донской удел.

Согласимся, что это отступление от унитарного принципа государственного устройства в сторону автономии повышало статус казахского народа, давало ему дополнительный стимул в развитии различных сфер жизни... Да и идея-то какова!

Учтем при этом – «киргиз-кайсакам» гарантировались избирательные права (выборы проходят «на том же основании, как и в прочих округах»), свобода вероисповедания («они исповедуют веру Магометанскую. Им дозволяется продолжать оной держаться, и всякое насилие воспрещается»), свобода передвижения и т.д. [4; С.130,143,221].

К слову сказать, и это будет уместным, документ предлагал «необходимым устранить все причины, могущие произвести в уделах сих какое бы то ни было различие между обывателями». Но высказанное мнение чем-то должно быть подкреплено. И П.Пестель предлагает давний аргумент, когда-то им высказанный в разделе «Дележ земли». Предлагает вот что: «Для сего должна земля или недвижимая собственность принадлежать... *всему обществу вообще*, а не частным лицам» [4; С.221]/

Ясно, – эта идея опережает время. Согласимся, но и отметим ее радикализм, способность подрвать могущество феодального элемента в Казахстане и дать реальную возможность народу строить жизнь на иных началах, которые у декабриста, конечно же, просматриваются еще в смутных очертаниях.

Воображение П.Пестеля приводит его к постановке вопроса об освобождении женщин Востока от рабской зависимости, в которую их ввергали мусульманские обычаи. Читаем: «У них (мусульман – Я.Д.) заведено многоженство. А так как обычай сей противен православной вере, то должно многоженство быть на будущее время совершенно запрещено. Содержание же жен взаперти есть большая несправедливость противу сей половины рода человеческого; а посему и надлежит употребить средства кроткие, дабы магометане обычай сей оставили» [4; С.143-144].

Дело весьма деликатное. И решать его следовало не с позиций православия (здесь декабрист возможно излишне категоричен). Да, собственно, вопрос не столько в религиозной нетерпимости, сколько в неприятии дикости самого обычая, в принижении человеческого достоинства и попрании права естественного женщины на равенство.

Сама постановка проблемы представляется нам справедливой, да и меры ее решения предлагаются «краткие». И еще – П.Пестель едва ли не первый, кто счел нужным эту тему предложить.

Писательница О.Г.Чайковская ссылалась на весьма интересный и содержательный сюжет: «Однажды кто-то из великих педагогов, услышав, как подростка упрекают в том, что он бездельничает, сказал: «Оставьте его впокое, он занят важным делом – он *растет*»[7; С.291].

Декабристы не бездельничали. Они были заняты важным делом. Они многого не могли понять, на многие вопросы не в состоянии были ответить. В этом нет их вины. Нам бы вникнуть в их положение, уразуметь истину, что учиться-то было неугого, они находились только лишь у истоков, они *росли*. Отсюда и закономерная в тех условиях невозможность разобраться в сложных национальных перипетиях, допущение ошибок.

Одно ясно, – трудное дело решать трудные проблемы, но ведь были попытки и надежды, что жизнь можно построить справедливо и рационально. Ведь сказал же А.И.Герцен: в сравнении со своими предшественниками мысль декабристов «явилась откровением».

А теперь другой персонаж, сразу же его и представим – Гавриил Степанович Батеньков. Кому это имя ничего не говорит, сообщаем – он один из активных участников декабристского движения. Странно, но авторами одной из глав «Истории Казахстана» он назван Г.С.Батюшковым. Смеем наверняка предположить – возможная опечатка, хотя и не совсем простительная для такого солидного издания. Простим, однако.

Поскольку для многих Гавриил Степанович мало знаком, – несколько сведений о нем. Батеньков родился 25 марта 1793 г. в Сибири в многодетной небогатой семье. Первоначальное образование получил в Тобольске в уездном училище, где на него оказал большое воздействие учитель татарского и арабского языков Сейфулин – «страстный и прилежный охотник к преподаванию своего родного языка, умевший внушать к нему старание, так что некоторые его ученики уезжали на вакационное время в юрты для разговора...» [8; С. 100-101]. Как это потом к месту скажется.

Одним из первых наставников своих Батеньков считал отца известного русского ученого Д.И.Менделеева. Учеба в Петербургском кадетском корпусе сблизила и связала на всю жизнь личной и идейной дружбой Гавриила Степановича с декабристом В.Ф.Раевским, с которым они осмелились «говорить о царе, яко о человеке, и осуждать поступки с нами цесаревича», а идя на войну, обещали, «когда возмужаем стараться привести идеи наши в действие»[9].

Мы не видим необходимости повествовать о деятельности Батенькова-декабриста и о его участии в событиях 14 декабря 1825 г. Нам он интересен в несколько ином качестве, а именно, как деятель, причастный к разработке многих законопроектов так наз. Сибирской реформы 1822 г.

В 1819 г. будущий декабрист познакомился со Сперанским М.М., назначенным Сибирским генерал-губернатором. Направляя последнего на новую должность, Александр 1 писал в указе: «...поручили мы сибирскому генерал-губернатору тайному советнику Сперанскому обозрев сии губернии, собрать на месте подробные о положении их сведения и, основывая на сих сведениях меры к лучшему их устройству, представить мне оные к нашему усмотрению»[10; С.910].

Для губернатора явилось счастливой находкой встретить в Сибири человека не только честного и образованного, но и хорошо знакомого с краем. Губернатор так проникся уважением к Г.Батенькову, что оставил его в своем подчинении и поручил «составить записку о состоянии и нуждах края; записка эта была так хорошо составлена, что ревизор (Сперанский – Я.Д.) пожелал познакомиться с составителем ее, полюбил Батенькова» [11; С.438].

Легко представить себе настроение Гавриила Степановича, получившего столь лестное предложение, и он об этом впоследствии так поделится в своих воспоминаниях: «Более всего занимал меня рациональный, отчетливый, живой и широкий строй государственных и общественных установлений.

Все это, разумеется, в тот возраст не могло достигнуть зрелости и требовало непрерывного руководства и уроков, что и составляет ключ к уразумению дружбы моей с лицом, стоящим высоко в государстве по уму, доброте и правоте, которое искренне желало воспитать меня в приемники несбывшихся его мыслей»[8; С.124].

Умный Батеньков прекрасно понимал, что будет использован не только для создания внешнего блага Сибири, он видел задачу М.Сперанского в том, чтобы «дать самодержавному правлению логическое, прочное, мирное юридическое устройство и, сколько возможно, облегчить и оградить его действие, требующее свыше человеческих сил»[8; С.102]. Задача была трудна, требовала знаний о степи, энергии, кропотливости. Это все имелось, и вскоре ум острый и инициативный породил целую серию законопроектов, основанных на «местных различиях», нравах народных, на историческом прошлом. Перед Г.Батеньковым открылась широкая панорама жизни малознакомого дотоле ему кочевого народа. Пришло убеждение, что «иметь такого соседа было крайне тяжело, и оставаться ему долее в прежнем положении для самого его было бедственно»[8; С.108]. Имея данную установку, Гавриил Степанович приступает к написанию весьма для нас интересного «Устава об управлении «киргиз-кайсаками» (казахами).

Была проделана огромная работа. «Батеньков вел её,- писалось в одном из комментариев, – усвоив у Сперанского методологию административной Реформы. Но, по-видимому, само исследование края – статистическое, географическое, экономическое и т.д. – вел именно Батеньков» [12; С.181]. Исследователи творчества декабриста отмечали: «А если учесть, что некоторые из проектов достигали объема в 700 и более страниц (например, «Записка о заселении Сибири), то работу Батенькова следует признать по-настоящему огромной» [13; С.22]. Несколько позднее, вернувшись из Сибири, декабрист занялся обработкой «почти уже завершеного «Сибирского уложения», особенно по киргизским делам», печатал «разные статьи» с материалами о них в «Сыне отечества», оттуда «они переводились в немецкие журналы» [14; С.311].

Для получения информации изыскивались различные возможности. Вот одна из них: 6 ноября 1820 г. от имени М.Сперанского в адрес Оренбургского Военного губернатора последовало отношение о следующем: «... вследствие предписания Правительства занимаясь ныне рассматриванием дел и состояния киргиз-кайсков Средней орды, чтобы не упустить при сем случае из виду соображений с тем устройством, какое уже сделано на линии Оренбургской, я считаю долгом просить Ваше Высокопревосходительство почтить меня уведомлением о следующих предметах:

1. Какой вообще имели успех распоряжения о водворении киргиз в казенных селениях по указу 1808-го года и, какие особые правила, кроме сообщенных уже от генерала князя Волконского, приняты в сем деле Оренбургским начальством.

2. Не было ли составлено с того времени каких-либо особенных положений как по сему предмету, так равно и по части перепуска киргиз для временного и всегдашнего кочевья внутри линий.

3. Об устройстве управления киргиз вообще, и по судной их части в особенности...» [15]. Полученная в ответ информация позволила Г.Батенькову определиться с реорганизацией системы политико-административного управления сибирскими и оренбургскими казаками.

Скажем сразу, декабрист был весьма далек от тех иллюзий, что его предложения могут быть осуществлены в том виде, в котором они были написаны. А потому понятны опасения, что будут они изменяться «и в главных основаниях и не всегда к лучшему всяким лицом, которому предстанет на то случай» [8; С.107-108]. Нарастали расхождения с патронном, и они были неизбежны. Несогласия и размолвки доходили порой до открытых столкновений. Даже так. «Однажды, – писал Батеньков в воспоминаниях, – я говорю ему (Сперанскому – Я.Д.), что мне несносно мое положение и непрестанная необходимость лгать перед своей совестью, от чего слово мое не имеет никакой силы и выражает только раболепное ремесленничество по бестолковому заказу капризных хозяев. Что я решаюсь побудить в себе

все лучшие и живые стремления и удалиться куда-нибудь...» [8; С.126-127]. Возник момент, когда и М.Сперанский готов был отказаться от услуг талантливого помощника, довольно резко осудив результаты его труда.

Осторожный, опасавшийся резких потрясений, поборник системы постепенных либеральных движений генерал-губернатор подверг довольно радикальные предложения Г.Батенькова коренным изменениям. «Удивился я, когда старик мой, – писал он о редакции М.Сперанского, – назвал мою работу непрактичной и мелодраматической... После этой цензуры я увидел перед собою как бы развернувшуюся бездну; мне стало стыдно, совестно, страшно» [8; С.95].

Поясним. Даже после редакционной переработки «Устав...» Г.Батенькова казался М.Сперанскому неисполнимым. «Положения мои, – делится декабрист с В.П.Кочубеем, – столь сами по себе сильны, что и при личных изъяснениях, даже при большем благоприятстве обстоятельств я сомневаюсь еще, чтобы они были приняты» [16; С.312].

По всей видимости, дело не только в М.Сперанском, но и в высших официальных сферах, к мнению которых губернатор внимательно прислушивался, а потому первоначальные проекты Г.Батенькова, и это абсолютно не исключено, считались им настолько радикальными, что говорить об их принятии к исполнению не могло быть и речи. Хотя, впрочем, некоторое позитивное начало документа все же удалось сохранить.

Сам декабрист придавал наибольшее значение именно этому «Уставу». В 1826 году им сообщалось: «Могу похвастаться в особенности уставом о киргизах, доставившим России до 120 тыс. новых подданных и необъятное пространство земель» [8; С. 160-161]. Не потеряли, однако, научную и публицистическую значимость и такие его работы, как «Об управлении Сибирью», «О занятии Средней киргизской Орды» и др.

Многие сведения о Казахстане и активную поддержку в их получении Г.Батеньков имел от «дельных купцов и мещан, бывавших в Киргизской степи» [17; С.208]. Из них выделялись верхотурские купцы Поповы – Андрей Яковлевич и его племянники – энергичные, предприимчивые, свободные от всяких нравственных принципов.

Работая сначала на Урале, они затем развернули дело в Семипалатинске, где занялись откупам, держали винный завод, вели торговлю с казахским населением и китайцами, а в 1824 году открыли в степи серебро-свинцовые руды и начали их разработку [8; С.140].

Работая над проектами, Г.Батеньков не мог не воспользоваться близким знакомством с Поповыми и их знаниями киргизского быта и общественного устройства. Кстати, после освобождения из крепостного заключения и отбывания ссылки декабрист продолжил знакомство, и какое-то время работал секретарем Сибирского общественного банка, основанного на капиталах А.Я.Попова.

Вернемся к документу, к нему вполне объяснимо внимание казахстанской историографии, хотя следует признать несколько поверхностную его интерпретацию [18]. Примечательно, что на Г.Батенькова, как на фактического автора «Устава» наложено какое-то табу, если и упоминается его фамилия, то вскользь.

«Устав о сибирских киргизах» утвержден Александром 1 22 июня 1822 г. в числе прочих законодательных актов, представленных М.Сперанским и под его авторством. Губернатор никогда и нигде не старался упоминать о соавторстве с Г.Батеньковым, хотя для многих, особенно из его окружения, работа декабриста над документом не была секретом. Сам же Г.Батеньков прямо свидетельствовал о своем авторстве не только «Устава», но и многих других реформ, принятых приписывать М.Сперанскому. Подтверждение этому мы находим у историка М.А.Корфа [17; С.228].

Документ М. Сперанского – Г.Батенькова явился значительной вехой в политической жизни казахского народа, хотя нельзя не согласиться с тезисом авторов «Истории Казахской ССР» о том, что он объективно «содействовал укреплению власти царского правительства над казахским народом, облегчал его колониальную эксплуатацию» [19; С.305].

Все так. Эту направленность документа можно признать определяющей, но она не должна игнорировать массу позитивных положений, не реализованных в силу объективных обстоятельств в полной мере. Исследователь сибирской деятельности М.Сперанского В.В. Вагин отмечал: «сибирские законы Сперанского никогда не действовали в полной силе, Некоторые части их даже вовсе не были приведены в исполнение... Особые степные законы для суда над инородцами даже никогда не были изданы» [16; С.396].

Традиционен взгляд обывателя времен декабристов на народы Сибири и Казахстана – низшие, неполноценные, дикие. Декабрист опровергает подобные оценки, более того, – он решительный противник противопоставления русских и «инородцев», ему ясно, что подлинное равенство кочевых народов с русскими возможно лишь в том случае, если они станут на один уровень в развитии. Исходя из этого посыла, он проводит в «Уставе» идею постепенного перехода кочевников к оседлости, основанной на хлебопашестве. Крайне интересна основа, подводимая под указанную идею. Так вот; «Хотя хлеб, – говорится в параграфе 150 «Устава», – и не составляет существенной потребности киргиз-кайсаков, но дабы предохранить их от крайней нужды в случае истребления табунов их заразою и вместе с тем поощрить их к земледелию, полагается при каждом округе открыть казенную хлебную продажу» [10; С.100]. Что касается собственно перехода к земледелию и к оседлости, то здесь «Устав» четок и категоричен: «на отведенных им землях должны они стараться завести хлебопашество и, буде представится возможность, садоводство, пчеловодство и проч.»

Показательно при этом уточнение: «Киргиз, который первый в округе разведет значительное хлебопашество, пчеловодство и прочее, равно и все те, которые окажут в сих делах отличные успехи, получают право на собственную награду» [10; С.102]. Стремясь обеспечить хотя бы относительную социальную справедливость, документ разрешал отвод 15-тидесятинных участков для всех переходящих к оседлости. Вспомним социальную озабоченность «Русской Правды» П.Пестеля, так же предлагавшей обеспечение кочевников землей: «каждому кочевью особое пространство назначить».

Солидарны оба декабриста и в вопросе о предоставлении казахам права выбора властей. При этом учтем, что в тогдашней России о выборной системе и мечтать не приходилось. Сделаем, однако, оговорку, что провозглашая право, «Устав» не особенно его и обеспечивал. Вот и Ч.Валиханов об этом: «Правовыбора своих властей, дарованное нам средне-ордынцам, есть такое право, которым мы не можем не дорожить, хотя пользуемся им теперь и дурно, и нечестно» [20; С.522-523].

Уже гораздо позднее в «Повести собственной жизни» Г.Батеньковым приводились строки: «Орда эта в продолжении многих лет предана была внутренним междоусобиям и заразительным болезням, час от часу более опустошалась и беднела даже до того, что родители продавали детей своих..., которых дозволено было покупать всякому в крепостное состояние» [8; С.108]. Заветная мечта декабриста – ликвидировать эту дикую несправедливость – закреплялась статьями «Устава», запрещающими «вновь приобретение в неволю природных киргизов» [10; С.103].

Вводя новые категории повинностей для местного населения, и устанавливая при этом льготное освобождение кочевников от податей, «Устав» тем самым пытался «предупредить недовольство населения, привыкшего нести повинности по старой феодальной системе» [21; С.300].

Немаловажным позитивом является предоставление батеньковским «Уставом» возможностей и предпосылок для формирования и роста в Казахстане торгово-экономических отношений, позволяя населению без каких-либо ограничений осуществлять торговлю своими товарами «как внутри своего округа, так и вне ононого» [21; С.300].

Нельзя не приветствовать постановку казалось бы для степных обитателей явно не актуального вопроса о распитии алкоголя. Авторы «Устава» озабочены, однако. Отсюда и стремление уберечь население от столь пагубной привычки, а потому и включена статья с характерным текстом: «Продажа вина в киргизиз-кайсацкой степи запрещается. Для одних

праздников, даваемых правительством ежегодно, позволяет ему покупать небольшое количество вина на линии» [10; С.101].

«Уставом» намечались и некоторые культурные мероприятия, обязывающие власти «всеми средствами заботиться, чтоб никто из вверенного им населения не терпел нищеты и не оставался без призрения». Документ был благодетелем в плане обеспечения строительства в степи больниц, в которые приниматься должны «из киргизов преимущественно бедные и тяжело больные, сколько позволит помещение» [10; С.104].

В «Уставе» удалось провести статью о предоставлении права каждому киргизу «сына своего поместить в учебные заведения, внутри империи находящиеся, на общих правилах» [10; С.105]. Обратим внимание - никаких препятствий при этом, напротив, - «Содействовать всеми средствами...»

Созвучен батеньковский мотив с пестелевским положением о веротерпимости, предоставляя кочевым народам свободу отправлять богослужение «по их законам иобычаям». Кто будет спорить, – все эти положения были, несомненно, прогрессивными в условиях имперского режима. Признаваясь в том, что он «редактор здешних законов и многие установления мною изобретены и названы» [22; С.140], Г.Батеньков одновременно не питал особых иллюзий в их реальном осуществлении. Лучшие побуждения автора и благие начинания не находили должной поддержки властей, когда дело доходило до их практической реализации. Прислушаемся к мнению Тобольского гражданского губернатора А.Муравьева (бывший декабрист), обследовавшего обширные районы степи и Западной Сибири: поскольку «инородцы...не пользуются благотворным вниманием и попечительными распоряжениями местного главного начальства, – писал он, – то пребывают они в глубокой дикости своей и в закоснелом невежестве» [23]. И это после многих лет действия «Устава»!

3. Выводы.

И все же. Может быть не так уж и удручающе. Да, действительно, не всегда реформаторские пожелания и разработки выполнялись с категорической определенностью, была масса злоупотреблений, чиновного бюрократизма, доходившего до откровенной коррумпированной наглости по отношению к степи и ее обитателям. Все это так. Но нельзя не учитывать стартовое состояние казахского общества во времена Сперанского – Батенькова, когда многие положения разработанного ими «Устава» были для него явным прогрессом и несомненным позитивом.

И последнее, не будем игнорировать, как это зачастую ныне происходит, весомого вклада декабриста Г.С.Батенькова в «искреннюю и усердную» разработку документа, призванного обеспечить народу степи «лучшее» и «благоразумное» устройство.

Не все удалось, однако... А ведь это не вина его...

Список литературы

- 1 Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. В 3-х томах. – М., 1951.
- 2 Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев. – М., 1933.
- 3 Восстание декабристов. Материалы. Т. I-XVIII. – М., – Л., 1925-1986. – Т. VII.
- 4 Пестель П.И. по письмам его родителей // Красный архив. – М., 1926. Т.3(16).
- 5 Вестник АНКаз.ССР. – Алма-Ата, 1964. – № 9.
- 6 Военный сборник. – Спб., 1872. – Т. XXXV.
- 7 Чайковская О.Г. «Как любопытный скиф...» Русский портрет и мемуаристика второй половины XVIII века. – М., 1990.
- 8 Батеньков Г.С. Данные. Повесть собственной жизни; Автобиографические рассказы и письма. / Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. /Под ред. Ю.Г. Оксмана. – М., Изд-во «Политкатаржан», 1933. – Т. II.
- 9 ЦГАРФ. Ф.48. Д.359. Л.109; Нечкина М.В. Движение декабристов. – М., 1955. – Т. I. – С.106.
- 10 Материалы по истории политического строя Казахстана. – Алма-Ата, 1960. – Т. I.
- 11 Рассказы о Г.Батенькове.// Русский архив. – 1881. – Кн. III. – №2.

- 12 Письма Г.С.Батенькова, И.И.Пущина и Э.Г.Толля / Под ред. Б.П.Козьмина. – М., 1936.
- 13 Бородавкин А.П., Шатрова Г.П. Декабрист Г.С.Батеньков. – Томск, 1960.
- 14 «Русская старина». – Спб., 1889. – VIII, август.
- 15 Оренбургский Областной государственный архив (ООГА).Ф.6. Оп.10. Д.2354. Л.1об.-2
- 16 Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М.М.Сперанского в Сибири. 1819-1822. – Пг.,1872. – Т.2.
- 17 Корф М. Жизнь графа Сперанского. – Спб., 1861. – Т.II.
- 18 Артыкбаев Ж.О. История Казахстана: Учебник для вузов. –Костанай-Астана, 2006.
- 19 История Казахской ССР. В пяти томах. – Т.1 – Алма-Ата, 1977.
- 20 Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в 5-ти томах. – Алма-Ата, 1961. – Т.1.
- 21 История Казахстана с древнейших времен до наших дней. В пяти томах. – Т.3. – Алматы, 2000.
- 22 Модзалевский Б.Л. Декабрист Батеньков. //Русский исторический журнал. – Пг., 1918. – Кн.5.
- 23 РГИА. Ф.1264. Оп.1. Д.291. Л. 5-5об.
- 24 История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Т.3. – Алматы, 2000 и др.